

Сделайте нам ручку

У подножия Montblanc побывал Алексей Тарханов

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

«НЕУЖЕЛИ ВЫ ВСЕРЬЕЗ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ПИСЬМО ИСЧЕЗНЕТ?»

В 1924 ГОДУ фирма «Монблан» выпустила самопишущую ручку Meisterstück, один из классических дизайнерских предметов и без того богатого на дизайн XX века. И почти единственный, кто прожил век без принципиальных изменений облика, оставаясь стопроцентно узнаваемым. И вот теперь перьевая ручка — редкий вид на грани исчезновения. Она пережила атаку шариков и роллеров, но электронные записные книжки, стоящие в каждом телефоне, готовы, кажется, ее прикончить.

— Вам не кажется, что перьевой ручке место в антикварном магазине? — спрашиваю я главу Montblanc Лутца Бетге. Господин Бетге, высокий, безукоризненно одетый, похожий на воодушевленного директора английской школы для мальчиков, смотрит на меня с укоризненной улыбкой:

— Неужели вы всерьез считаете, что письмо исчезнет? Сколько всего произошло, и, когда герр Гутенберг изобрел свой типографский станок и монахи-переписчики потеряли работу или когда герр Ремингтон изобрел свою печатную машинку и писатели стали стучать по клавишам, уже тогда говорили, что перу приходит конец. Но этого же не произошло. У пера ведь не только функция, но и символ. Вы знаете, как называют наши ручки?

Конечно, знаю. «Монблан» или конкретно Meisterstück, или Starwalker, или Bohème, по именам актрис вроде Марлен Дитрих или Греты Гарбо или в честь музыкантов вроде Фредерика Шопена.

— Нет, — говорит Бетге. — Их называют Power Pen — «перо власти». Представьте себе короля, у которого есть корона, держава и скипетр, все атрибуты власти, а кроме них — его подпись. И за этой подписью стоят мир-

ный договор, или объявление войны, или награда герою. Даже тогда, когда нет уже письма в его прежнем виде, подпись остается, и человек, неравнодушный к тому, что он делает и как он живет, обставит эту подпись торжественнее.

Значит, когда в учебнике истории я читал, как простым росчерком пера была решена судьба целого континента, это как раз о Montblanc, которым и вправду писали (или подписывали) почти все политики прошлого века и века нынешнего. А где власть, там и любовь, и вот Бетге торжественно достает из кармана и показывает мне ручку Montblanc. Примерно такую же, как у меня. Но, оказывается, не такую.

— Я получил это ручку 20 лет назад от девушки, которую я любил. Я могу сейчас об этом говорить, потому что она стала моей женой, мы вместе, и ручка со мной и пишет как ни в чем не бывало. Когда я пришел работать в «Монблан», они предложили мне новое перо. Смешные люди, как будто бы мне нечем писать! Понимаете, когда вы отправляете SMS, это очень удобно. Но когда вы садитесь за стол и пишете пером на листе бумаги письмо, это особый знак уважения. Вы дарите адресату не только свои слова, но и свое настроение, свой труд и свое время.

Тут я не могу с ним не согласиться: голос перьевой ручки ни с чем не сравним. Люди забывают об этом, потому что давно не держали в руках настоящих перьев, школьные не в счет. Раз мы и так мало пишем, почему не провести эти несколько минут с совершенным инструментом в руках?

Когда меня ведут по цеху в Гамбурге, где делают ручки, я вспоминаю визиты на часовые фабрики. Это тот же уровень точности, чистоты и технологичности. Те же машины, которые в Швейцарии производят мельчайшие часовые детали, те же рабочие столы. Из золотого листа вырезается 18-миллиметровое перо, потом под прессом оно обретает форму, на него наносится защитный слой иридия — драгоценного металла платиновой группы. Перо оттачивают, надевают на ребристый пишущий узел, который будет распределять чернила. Все это делается руками, осторожно, внимательно, операция за операцией. Мастера никуда не спешат — миру требуется не так уж много перьевых ручек, гораздо меньше, чем одноразовых шариков, которые за месяц проходят бесславный путь от завода до помойки.

В основном работают женщины. Одна делает разрез — точный, как у мозля в синагоге, другая шлифует перо на круге, и наконец оно попадает в комнату, где ему дают голос. Здесь перо расписывают. Напоминает урок каллиграфии: сначала линия ведется с широким размахом, потом восьмерки уменьшаются, потом на бумаге появляются штрихи — перо должно проходить закругления с такой же легкостью, как гоночная машина на виражах. При этом лишь часть работы видна миру — многие листы исписаны невидимыми чернилами: в абсолютной тишине мастера слушают, как скрипит перо по бумаге. Это и вправду похоже на сборку часов.

Часовые мануфактуры завоевывали себе место десятилетиями и высо-

чек не любят, если, конечно, они не позиционируют себя заранее как малосерийные авангардисты. Montblanc претендовала на успех большой серийной фабрики, поэтому сначала к ней отнеслись очень скептически.

— Нам говорили: «У вас столетний роман с ручками, зачем вам часы?» — а я отвечал: через сто лет придите, увидим. В конце концов, в первом хронографе время тоже записывалось чернилами, — говорит Бетге.

Изобретателю хронографа Никола Реуссеку посвящена одна из самых интересных и сложных часовых моделей Montblanc.

К чести германцев, они не поддались на журналистские подначки и в последние годы действительно поражают часовыми успехами. Создав очень качественные базовые модели, они начали делать собственные механизмы и сложные часы на знаменитой мануфактуре «Минерва».

За часами последовали украшения. Историю рождения ювелирных линий Лутц Бетге рассказывает с удовольствием, она связана с алмазом специальной огранки в виде шести-конечной монблановской звезды, который украшает колпачки лимитированных моделей:

— Я помню даму из Сингапура, главного редактора женского журнала. Она смотрела во все глаза на нашу звезду и наконец сказала: «Боже мой, зачем вы тратите такие бриллианты на ручки? Хочу такое кольцо». Мы решили: чего хочет женщина, того хочет Бог. И не пожалели.

— Ну и что вы скажете журналистам, когда они придут через сто лет? Что будет главным для «Монблана»?

— Вероятно, через сто лет нашим главным товаром будут часы. Ну а пока мы еще отлично поскрипим ручками.